

Наталья Словаева

Фантазии

16+

Наталья Словаева

Фантазии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67925328

SelfPub; 2022

Аннотация

Вторая книга стихов от автора культового поэтического сборника "Единица нерадивости".

Наталья Словаева

Фантазии

– Ты где? – В танке.

– А где танк? – В лодке.

Я сыграю тебе на гитаре, евушка,

потому что такой обычай в вашей общине,

потому что пальцы твои – заснеженные тропинки,

и гостей ты кормишь имбирным корнем.

Останемся здесь до нового года,

когда стареющая лесбиянка

поставит свечку за Путина,

только выбросим зловещий чайник из головы

и оборванные бельевые веревки.

– Размазавшись по стулу, я подумала,
что хочу быть вашим ребенком.

В Дэвиде Линче

пол в шахматную клетку,

тяжелые бархатные занавески

и поющая девочка с накладными щеками.

Посыпая пеплом ноутбук,

попроси бармена налить тебе яда

грамм сто пятьдесят или сколько тебе надо,

чтоб стадо диких поросят,

бесстыдно вереща,

успело пересечь границу.

А демоны молчат.

У входа в храм с руки едят синицы.

Достоевщина разбредается по телу этого города

убогими крышами, зловонными трущобами,

битыми стеклами, ржавыми трубами,

растрепанными метлами, найденными трупами,

выщербленными ступенями, дурными болезнями,

детскими пальцами, порезанными лезвием.

Есть люди, с потолка которых всегда капает

мутная жидкость цвета непонятного.

Виктору было на нее наплевать,

он замерз, устал и просто хотел спать.

Лежал под лестницей, натянув одеяло до подбородка,

видел четвертый сон,

Когда ты объявил войну и облил его бензином.

А белый Гена крокодил

в осеннем парке проходил,

обшарпанный, он был эффектен

своею жалкой красотой.

Он на ветру с открытым горлом,

там, верно, скомканные ноты

и волчьих ягодок настой.

Все проиграв, ушел в поэты,

в сентябрь, ребрящийся вельветом

Мои спутники горят как фонари,

идут по кругу, по кольцу Сатурна.

Кого сегодня пошлет мне дорога?

Уверенного массажиста,

любителя коньяка с кока-колой,

сухопарую даму, потерявшую гривны в Джанкое?

Контрабандист с судна The Diamond Sea,

похожий на Рогожина, взволнованный,
достал из спортивной сумки Библию,
предложил почитать псалмы.

Капли неона струились по стене супермаркета,
когда ты сказал, что я не ценю, что имею.

Теперь скоро захлопнется дверца автомобиля,
и мое запястье снова разрежут тени.

Целый день бакланы сидят на камнях
и смотрят в море.

Когда им становится жарко,
широко раскрывают клюв.

Улитки бутонами расцветают в выжженной степи,
нефтекачки неумолимо работают круглые сутки,
дома строят из соломы и стеклопакетов,
а бакланы сидят на камнях и смотрят в море.

Выносит бабушка ведро,
В нем рыжие свернулись листья,
Как выдры, сжались и зависли,
Не выдадут свое нутро.

Лежат в авоське караси,
Вино и шишка из кофейни,
Украденная безыдейно,

Чуть не забытая в такси.

У жбанов стайка голубей –

Сегодня гули, завтра гули...

Как мы, в октябрьском загуле.

Не мерзни и не сожалей.

Старушка лезвие косы

старательно оборачивает газетой,

водитель, похожий на баскетболиста,

слушает Егора Летова,

темнокожий парень в костюме,

где твой саксофон?

Люди спускаются на байдарках,

фотографируют мухоморы в Карелии,

у каждого свой метод,

метод борьбы с гравитацией.

Эти маленькие лошадки никогда не уснут,

мои пальцы путаются в их розовой гриве.

Говори, говори – я все еще слышу –

через горы нервно поломанных зубочисток,

оставшихся на столике в кафе для некурящих,

через алые тона кровавых салютов,

в которые окрашен закат Европы,
через отделения полиции и снятые отпечатки пальцев,
с липким мылом в туалете за решеткой,
через люстру, рухнувшую с трехметровой высоты
в моем животе, и осколки торчат из-под ребер.
Снимок Джима Моррисона стал зеленоватым,
Не ищи человека с крахом в глазах,
Обрати внимание –
С денежных банкнот исчезло лицо президента:
очень неприятно, когда тебя постоянно трогают руками,
зачастую грязными,
и совсем незнакомые люди.
Я стреляю сигареты на холодной улице,

кот ест из моей тарелки,

я не сплю.

Был эстет, и нет.

DOCUMENTA*

Мы пришли оттуда,

где из трещин на штукатурке складываются картины,

когда болеешь,

и тушить за дедушкой спички – это радость.

Здесь сочная зеленая трава по грудь,

и я пытаюсь хватать ее руками.

Здесь балкон высоко,

и мама меня привязывает за пояс,

потому что я говорю, что прыгну и полечу.

Здесь лопатка и пузырьки на песке,

и дедушка во сне отрывает бабушке руку.

Мы живем в коммуналке в Ростове,

в ней длиннющий коридор, метров двадцать,

я по нему качусь на трехколесном велике, и мне очень весело.

Здесь я сваливаюсь со здоровущей взрослой кровати

с железной сеткой,

которая прогибается, как гамак,

лежу за кроватью и молчу,

а потом меня долго ищут.

Мы пришли оттуда,

где ноги самый яркий предмет,

ноги в босоножках, потом в сапожках,

и я как ноги, которые идут.

Где я думал, что памятники только мертвым открывают,

а потом увидел Буденного живого

на открытии памятника Буденному

и сразу поверил в жизнь после смерти:

Буденный восстал, все люди вокруг вознеслись.

* Из детских воспоминаний друзей

Я обнимала за шею Черную курицу,
везла через весь город тыкву, похожую на фаллос,
пела под дождем на ступенях кукольного театра,
и как тебе не принять мою нежность?

Не надо горевать, мой друг,
Мы встретимся с тобою снова
В просторном аэропорту
Самары, Питера, Ростова.

В тюрьме очнется Робин Гуд
Весной болезненно прекрасной,

О чем-то вспомнив, на ходу

Закурит инженер Вараксин.

Все, что успели рассказать,

И все, что обошли молчаньем,

Как в зеркале, вернется вспять

И растворится в мирозданьи.

В 90-е многие не ездили на BMW,

не стреляли из пушек,

а растерянно получали зарплату

магнитолами и донским салатом.

Тогда-то моя тетя и нашла

у мусорного контейнера трех почти новых барби.

Признаюсь, у меня раньше не было таких красивых кукол.

Поистине, они были великолепны:

во всех суставах сгибались их ноги и руки,

и вообще они отличались роскошными туалетами

и ослепительным телом.

Впечатлительный ребенок,

насмотревшийся медицинских энциклопедий,

я понимала, что с ними играть опасно,

но желание делать это оказалось сильнее

страха подцепить какую-нибудь заразу.

Наверное, тогда я впервые ощутила

этот острый, сладкий и бодряще кислый

привкус риска.

Вот с тех пор и борюсь

с повышенным слюноотделением.

Лишайную девочку

взял в свой дом

и в свое сердце.

Хотел выбиться в люди, куртку новую купил,

Так нет – не пускают.

Когда, уходя,

ты зовешь меня самой маленькой,

сердце мое сжимается

как от невидимого укола.

Я стою у белой двери,

как тогда,

в платье фланелевом с божьей коровкой,

серьезная

перед камерой.

Полезные советы для девушек

1

Если друг твой вдруг упал

Головой своей в мангал,

Сразу ты его не фоткай –

Обработай рану водкой!

2

Если друг твой с перепоя,

Запустил в тебя салфеткой,

Не затаивай обиду,

А ответь ему с умом –

Брось в него своей тарелкой

И любой другой посудой,

Чтоб погромче и с размахом,

Даже если и с едой.

3

Есть надежный способ друга

Засмущать до одуренья –

Расскажи ему подробно

Что вы делали вчера.

Как попутчице с собачкой

В подмосковной электричке

... показывал он дерзко,

И при этом много раз,

Как пошел он вымыть руки

Строго в женском туалете,

А потом и дверь пытался

Тоже пальцем отомкнуть.

Если друг, услышав даже,

Как плясал между деревьев,

Не задумается крепко

С диким стоном «Прекрати!»,

Ты скажи, что ровно в восемь,

В пятницу на том же месте,

Ждешь его с бутылкой колы,

И ребята все придут.

«Ты подстригся?» «Нет, облысел», – говорит мне приятель,

которого не видела две недели.

А мне так хочется тебя обнять,

Все надоели.

Вспоминала, как мы встретили Новый год в плацкарте,

Наряжали тебя в мой корсет и юбку в пол.

И тот вечер, когда я была на пати,

а ты на нее не пошел,

и сидел в кафе напротив одиноко, заносчиво,

писал в вцап вначале,

А я шла к тебе через всю Таганскую площадь,

на каблуках, в платье с открытыми плечами

и с фатой, в образе Черной невесты.

Как Woodkid выступал на Bosco фестивале,

под сильнейшим ливнем, и было всем хорошо,

как в тот вечер стащили на память цветочный горшок.

Как ты быстро вычислил меня, провокатора,

поймал за руку, как вора,

когда я почти незаметно и аккуратно

погладила под курткой твои ребра.

Вспоминала, как мы спали на надувном матрасе,

а за стеной соседка напевала по-татарски,

И как мир обретал невесомость и краски,

когда ты крутил кольцо на моем пальце.

Лисы тоскуют, когда мы ссоримся в метро,

и я говорю с лицом, перекошенным злобой.

Потому заклинаю: не ревнуй меня к прошлому, бро,

просто знай: ты единственный и особенный.

Давай лучше вместе слушать новый альбом,

или решать: острых крыльев брать шесть или девять.

У меня нет доказательств, есть только любовь,

И я пропаду, если ты мне не будешь верить.

А. М.

А ты попробуй не влюбись

В такого вдумчивого Кая,

Не зацелуй, а прикоснись,

Едва за плечи обнимая,

Не растревожь, а разреши

Ему не знать и сомневаться,

Не требуя его души,

И не пытайся с ним остаться.

Не торопясь себя вписать

Поверх еще заметных шрамов,

Сумей его не разменять

На авантюры по программе.

Останься для него сестрой,

Не ищущай кровосмешеньем.

...Теперь я навсегда с тобой

В непостоянстве неизменном.

Мы знали все мосты по именам,

И в день приезда встретили лисицу.

Простуда шла в пижаме по пятам,

Но не решилась пересечь границу.

У самолета красовался хвост,

Раскрашенный тремя цветами флага.

Попутчице на языке ее вопрос

Задать казалось страшною отвагой.

Среди зонтов, церквей, пластинок, книг,

Кофеен, башен, домиков, газонов

Бродили день за днем, и каждый миг

Казался кадром фильма о влюбленных.

Сопровождал нас своенравный дождь,

Скрипенье половиц и запах рома.

Теперь ты, Шерлок, по другим мостам идешь,

Но мы, как прежде, далеко от дома.

Я люблю архитектуру сцены:

многоярусные осветительные приборы

с поднимающимися к ним клубами дыма,
мощные футуристичные колонки,
похожие на вентиляционные трубы,
зеркальные шары под потолком,
в которых отражаемся мы,
как и парень с гитарой,
который сказал:
«Все, что страшно потерять,
надо потерять,
радостно смеясь»*.

*Sirotkin

Я беру алый лист,

я беру лиловый лист,

я беру лимонный лист

Дикого винограда,

собранные у церковной ограды

недалеко от заброшенных таунхаусов,

где мы катаемся на велосипедах.

Приклеиваю их к бумаге,

но они не станут хижинкой аскета

или горным ручьем,

или девушкой длинноволосой,

А останутся алым листом,

ЛИЛОВЫМ ЛИСТОМ,

ЛИМОННЫМ ЛИСТОМ —

Совершенными по своей природе,

Самодостаточными в своей сути.

В рюкзаке коньяк и «Монополия»,

переходим ночью Москву-реку по льду.

Столько снега намело,

что даже следов впереди не видно.

Сегодня на окраине города

мы слушали английские мадригалы

в исполнении вокального ансамбля,

среди скульптур из водопроводных труб и кранов,
где кроме нас были только родственники артистов.

По колено в снегу, взбираясь на холм, ты заметил:

– Если бы мне о нас рассказали,

Я бы подумал: «..., но классные ребята».

Кто мог вчера предположить,

что сегодня мы будем вкушать сабы

у станции метро Молодежная?

Одним глазом глядим на карту,

вторым – присматриваем за великами,

стоят ли еще.

Как думаешь, кто сломал дозатор в туалете кафе?

Конечно, я, с моим эпизодическим пристрастием к гигиене.

Сегодня я смотрела на твои длинные руки,

на твои длинные ноги,

в твои лучистые глаза

и думала:

Не зря дикие утки у реки

не боятся подходить к тебе так близко!

Отстали от автобуса в населенном пункте

с намеком на лишний вес – Верхний Мамон,

и теперь размышляем, что делать.

Ты в тапочках, как был,

а я без книжки, которая уехала на сиденье.

Думаешь, мы найдем здесь попутчика на BlaBlaCar?

Будем выбираться на перекладных –

вначале на шестерке с прицепом,

напоминающей о цирке и кочевье,

а потом и на маршрутке,

водитель которой сказал:

«Хватит выписывать тут зигзаг удачи!»

на трассе Москва – Ростов.

Руслан, Василий, Лиза и Андрей,

Мы живы, и от этого раздрай.

Мы очень живы, тысяча чертей!

Так начисляй, дружище, начисляй.

Философу в обличии шута

Дискуссию вести не в первый раз.

Айтишники, братишки, босота...

Мы живы. И особенно сейчас.

Крафт, крах и просто катастрофа,

Как хочется понять весь этот цирк:

Зачем нам боль, что хорошо, что плохо,

И как две правды спаяны впритык.

Мы выросли, когда стране на две

Эпохи разнесло хребет.

Не растравляй. Слоняйся по Москве.

Читай стихи, взойдя на табурет.

Кто мы и кем могли бы стать,

Кем никогда не станем, что нас ждет

Там, в Англии и в Индии. Оставь.

Над поймой ночь прошла, «...а это не пройдет».

И каждый сам судья, шериф и вор

Лепечет: «Заходи, не пропадай».

Пока еще не кончен разговор,

Ты начисляй, Василий, начисляй.

Дело не в том, что на Гласто начос

можно есть грязными руками

в резиновых сапогах, укутавшись дождевиками,

И после одного концерта перед другим концертом

пить шампанское из бумажных стаканчиков у пресс-центра.

Или когда Ноэль Галлахер в куртке с поднятым воротником,

проходит в метре от нас, элегантно небрежен,

Мы стоим, обомлев, продолжаем курить, как будто бы нам нипочем,

и Ноэля мы каждый день наблюдаем, как собственного консьержа.

Наверное, дело в том,

что когда ночью при плюс пятнадцать

в палатке на надувном матрасе я замерзала,

ты подтыкал под меня пуховик и укрывал одеялом.

Разноцветные флаги взмывали в небо над палаточным городком,

переполнялись мусором разрисованные бочки Oxfam,

а над холмами раскатывалось Skyfall,

до жути мощное, уже ближе к Тору, чем к нам.

Мой лисенок, ты создан, чтоб бегать по сочной, зеленой траве

И на солнышке греть белый, пушистый животик.

А совсем не затем, чтоб годами платить ипотеку,

Цепеня от страха лишиться постылой работы.

Дом, в котором живем мы, де-юре не очень-то наш,

Но родные река, белый мост и каток на морозе,

И друзья в двух кварталах. Скорее тащи карандаш –

Мы стоим у окна в упоительно временной позе.

Никогда не хотели соломку себе подстелить,

Не копили, а пели – ну что же, придется – попляшем.

Я не против того, чтоб трудиться, но больше за то, чтобы
жить

В этом мире родном, но таком относительно нашем.

Что я вижу на О – Облако,

Что я вижу на О – Овцу,

Еду по Острову к Океану.

Ирландия

Костер потрескивал

как виниловая пластинка,

Отсветы огня, играя,

превращали листья папоротника

в костяные зубцы на спине стегозавра.

В темноте друг провалился

в дырку от прошлогоднего туалета,

стал звать на помощь.

Когда мы его отмывали,

хозяйка заметила философски:

– В жизни всегда есть дерьмо,

и главный вопрос –

Как мы с ним справляемся.

После концерта мы не расходились,

а ждали у ограждения:

может техники, собирающие инструменты,

бросят нам в щедрости своей медиаторы,

барабанные палочки или какую другую малость.

И вот сет-лист взвился белой птицей

и упал в промежуток между оградой и сценой,

и стал таким близким и таким недоступным.

Кто-то перелез через ограду и был выдворен,

и потом в ответ на наши просьбы

охранник поднял заветный список и сказал:

«Никогда не понимал, зачем он вам нужен,

это же просто листок бумаги с напечатанными словами».

Я ответила ему, ответила со всей серьезностью,

что да, это листок бумаги,

но именно по нему сегодня играли и на него смотрели музыканты,

и он часть этого вечера, такого особенного.

И тогда этот человек с седоватыми усами
в салатном жилете со светоотражателями
встретился со мной взглядом и из десятка рук
протянул сет-лист в мою руку,

И никто уже не мог его у меня отнять,
ведь в этот вечер охранник, Ричард Эшкрофт и небеса
были на моей стороне!

И было в том великое счастье и ликование,
почти такое же, как когда в аптеке не нужно ничего,
кроме влажных салфеток,

В этом листе с напечатанными буквами
и черным замусоленным скотчем,
с отпечатком чьего-то ботинка,

и такова была сила слова и убеждения!

Когда погаснет освещение,
Собрав рюкзак, покинув кров,
Мы верим в грехоотпущенье
И милость бортпроводников.
В мозгу включаются экраны,
И начинается монтаж.
Однажды виденные страны
Берем и в новый свой вояж.
Но ярче этой карусели

Всплывет в горячей голове
Все, что сказать мы не успели,
Пока кружились на земле.

Как, например, зачем так вкусно
Есть в электричке бутерброд,
Как современное искусство
Неотвратимо не спасет.

Как манят древние руины,
Нуар, заброшки, пустыри.
Как пахнет мятой и малиной,
А в Дублине картошкой фри.

Как церковь маленькая краше

И мост, омытые дождем.

Как на полу журналов башни,

В реке салюты и неон.

Как милосердие важнее,

Чем справедливость и печаль,

Как я ленюсь и не старею,

И как минувшего не жаль.